

Панова Т.Д.

РЕЗЮМЕ

Жизнь и судьба великой русской княгини Софьи, по происхождению греческой принцессы, представительницы византийской императорской династии Палеологов, представляет интерес во многих аспектах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая русская княгиня Софья Палеолог, реконструкция, историческое исследование.

ВСТУПЛЕНИЕ. История очень многообразна в своих проявлениях. Это и имена людей, занесенные когда-то на страницы летописи монахом, и хрупкие археологические находки, обнаруженные в культурном слое древних городов, величественные средневековые храмы и изящные произведения прикладного искусства, рукописные книги, монетные клады и многое другое.

Но объединяет все эти свидетельства прошлого незримое присутствие человека. Чаще всего мы не знаем, какими были люди, оставившие нам плоды своего каждодневного труда, таланта, мыслей и ратных подвигов. Размышляя сегодня об отразившейся в их делах судьбе, порою невольно пытаешься представить себе не только характер, но и внешний облик этих людей, живших не одно столетие назад. И когда это удастся, история неожиданно оживает, заставляя исследователей по-новому относиться к свидетельствам письменных источников и предметам материальной культуры средневековья.

В 1994 году в Москве неожиданное продолжение получили события далекого XV столетия, связавшие воедино историю Византии, Италии и Руси. В том году русскому ученому С. А. Никитину удалось реконструировать по черепу скульптурный портрет Софьи Палеолог, второй жены великого князя Ивана III. В процессе этой работы, все этапы которой посчастливилось наблюдать автору этих строк, и возник огромный интерес к личности и судьбе женщины, родившейся в Византии, воспитывавшейся при дворе главы католической церкви в Риме и ставшей великой русской княгиней во второй половине XV века. Итог наших исследований, в виде популярного очерка жизни Зои (Софьи) Палеолог, мы и предлагаем читателю.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Сегодня зачастую бывает трудно представить себе, что же стоит за датами жизни того или иного исторического персонажа средневековья, какими событиями были заполнены годы его жизни, как складывалась судьба этого человека. Во многом тайной за семью печатями остается для нас жизнь большинства русских великих княгинь. Сведения о них приходится собирать по крупицам и все же далеко не всегда удается составить достаточно полное жизнеописание этих женщин. В биографии Софьи Палеолог, подробной и интересной, остаются все же белые пятна, заполнить которые, видимо, уже невозможно.

Греческая принцесса Зоя Палеолог родилась в семье младшего сына византийского императора Мануила II, Фомы. Фома владел Патрасом и прилегающей к нему северной частью Мореи, бывшим Ахайским княжеством на полуострове Пелопоннес. Зоя была племянницей Константина XI – последнего императора Византии.

Если мы посмотрим на родословное древо правителей Византии конца XIV – XV вв., то сможем лучше представить себе генеалогические связи этого императорского рода, в которых московская великокняжеская семья представлена дважды.

Первый династический брак между Палеологами и потомками Калиты был заключен

еще в 1411 году, когда московский великий князь Василий I отдал свою дочь Анну (она родилась 8 января 1400 года) «в Царьград за царевича Ивана Мануилова» (Патриаршая ..., 1965, с. 219), будущего императора Византии. Брак был недолгим – Анна Васильевна умерла в 1417 году и ее похоронили в Константинополе.

Владения отца принцессы Зои разделили участь столицы византийской империи, павшей под ударами войск султана Мехмеда II Фатиха 29 мая 1453 года (сам император погиб при защите города). Правда, это произошло чуть позже - в 1460 году перестало существовать и морейское государство Фомы Палеолога.

Точная дата и место рождения Зои неизвестны; как правило, временем ее рождения считают период между 1443 и 1449 годами, склоняясь ближе ко второй дате. В приведенной выше родословной таблице указан 1450 год. Возможно, местом рождения Зои были или Патрас (Патра) или Леонтарион (Аркадия), две последние резиденции ее отца Фомы. Матерью Зои была Екатерина, дочь последнего ахейского князя Чентурионе Цаккариа (Дзаккариа или Захария III), владения которого также размещались на Пелопоннесе. Фома Палеолог принудил его в 1429 году отречься от княжения и взял в жены дочь Дзаккариа (Лебедев, 1973, с. 36). Е. Г. Скржинская считала, что отречение Чентурионе Дзаккариа имело место в 1430 году (Скржинская, 2000, с. 161). Однако некоторые русские исследователи XIX века считали Екатерину дочерью герцога Феррары. Еще Н. Карамзин отмечал, что «великая княгиня по отце Царьский род, а по матери великого дуксуса Феррарийского», опираясь на материалы следственного дела Берсена Беклемишева начала XVI века (Карамзин, 1989, 346). Таким образом, Зоя была дочерью итальянки и грека.

После падения Мореи под ударами турецкой армии султана Мехмеда II Фома покинул 28 июня 1460 года Пелопонес и вместе с семьей перебрался на о. Корфу (итальянское название греческого острова Керкира). Вскоре, 16 ноября того же года, оставив здесь жену и детей, он отправился (через Анкону) в Рим, где был милостиво встречен 7 марта 1461 года папой Павлом II. Дело в том, что Фома Палеолог смог вывезти из Патры драгоценную христианскую реликвию – голову апостола Андрея. Благодаря этому деспот - изгнанник с почтением и сочувствием был встречен в Риме, где коллегия кардиналов выделила ему ежемесячный пансион в размере 500 дукатов (Schuhmann, 1966, с. 151).

Жена Фомы Екатерина скончалась 16 августа 1462 года еще во время пребывания семьи на о. Корфу. Фома Палеолог пережил ее на три года; он умер 12 мая 1465 года в госпитале при храме Сан-Спирито в Риме и был похоронен в усыпальнице церкви святого Петра (Pierling, 1866, с. 117). Его черты замечательной красоты были воспроизведены, по свидетельству одного витебского хрониста, по приказу римского папы, в статуе святого Павла, предназначенной украшать лестницу в Ватикане (Пирлинг, 1892, с. 9). В мае 1465 года и дети Фомы Палеолога прибывают в портовый горд Анкону на восточном побережье Италии. Перед смертью деспот Фома поручил опеку над ними кардиналу Виссариону Никейскому. Так как в Риме весной того года злобствовала чума, Зоя и два ее брата, Андреас и Мануил, были перевезены в Чинголи, где местный епископ, бывший секретарь Виссариона, предоставил им свой замок. Только осенью 1465 года потомки Фомы Палеолога приехали в Рим.

Кардинал Виссарион, ставший к тому же в 1463 году константинопольским патриархом, как нельзя лучше подходил на роль опекуна юных Палеологов. Грек из Трапезунда, архиепископ Никеи, на Флорентийском соборе 1438-1439 гг., он поддержал унию – объединение православной и католической церквей, и стал кардиналом в Риме. Он был в равной степени своим человеком как в греческих, так и в латинских культурных кругах. Ученик Плетона (жил на Пелопоннесе в Мистре в 1431 – 1436 гг.), он сумел объединить воззрения Платона и Аристотеля, греческую и римскую форму христианства (Mohler, 1923, с. 49). Будучи духовным лицом, Виссарион не чуждался и светской деятельности, был опытным дипломатом и ведущим гуманистом своего времени. Его двор при церкви св. Апостолов в Риме стал местом, где

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

собирались именитые греки и итальянские эллинисты (Schuhmann, 1966, с. 151). Виссарион Никейский предпринял все, чтобы его подопечные Палеологи получили хорошее образование. Письмо патриарха от 9 августа 1465 года содержит программу их обучения с точными экономическими, моральными и политическими предписаниями для сыновей деспота Фомы, которые должны были во всем – одежде, поведении и образе жизни – ориентироваться на латинян: «У вас будет все, если вы станете подражать латинянам; в противном случае вы не получите ничего» (Пирлинг, 1892, с. 14). Настойчивость кардинала Виссариона в этом вопросе объясняется политической необходимостью и той безвыходной ситуацией, в которой оказались дети Фомы Палеолога. Теперь они воспитывались по католическому обряду, Месячное содержание отца было передано детям и каждого из них обслуживали шесть – семь слуг. К ним также были приставлены врач, учитель греческого языка и латыни, переводчик и католические священники. Заботясь о моральном здоровье воспитывавшихся в изгнании сирот, кардинал Виссарион писал им: «Знатность не имеет цены без добродетелей, тем более, что вы сироты, изгнанники, нищие; не забывайте этого и будьте всегда скромны, любезны и приветливы; занимайтесь серьезно учением, чтобы занять впоследствии положение, вам приличествующее» (Пирлинг, 1892, с. 14). Но жизнь не благоволила потомкам Фомы Палеолога.

Андреас Палеолог, считавшийся наследником прав византийской династии и титулярным деспотом Мореи, мечтал о возвращении владений и богатств своей семьи. Но из-за женьтибы на простолюдинке (на служанке - римлянке) потерял всякое уважение в глазах итальянской знати и подвизался при дворе папы, выполняя мелкие поручения главы католической церкви.

Все попытки Андреаса организовать с помощью итальянских городов-республик и государей других стран борьбу с турками за возврат его владений, ни к чему не привели. В поисках средств к существованию, в 1494 году он уступил свои наследственные права на обладание восточной империей Карлу VIII (Франция) за ежегодный пансион. Позднее, в 1502 году, он завещал свои права испанцам – Фердинанду и Изабелле - владыкам Арагона и Кастилии (Schuhmann, 1966, с. 166). Интересно, что с именем Андреаса, брата Зои Палеолог, мы встречаемся в русских летописях, о чем речь пойдет ниже. Умер Андреас в Риме в 1502 году, так и не выбравшись из нищеты.

Старшая сестра Зои – Елена, была замужем за королем Сербии Лазарем III Бранковичем, после смерти которого она также проживала в Риме. Скончалась сербская королева Елена в 1473 году в одном из итальянских монастырей (Schuhmann, 1966, с. 166).

Младший брат Зои Мануэль в 1476 году уехал в Истанбул (Стамбул), принял мусульманство, как и его дядя Деметриос (Дмитрий, брат Фомы Палеолога), и умер в годы правления султана Баязида II в первые годы XVI века. В конце жизни он служил привратником небольшого пансиона (Pierling, 1891, с. 149). Из двух сыновей Мануэля только бездетный Иоанн остался христианином. Андреас был обрезан по приказу султана Селима и зачислен в войско. О наследовании прав на Византию в этой ситуации речи идти уже не могло (Пирлинг, 1892, с. 167 – 168).

Жизнь Зои Палеолог, на фоне судеб ее родных, сложилась намного удачнее. На нее решающее влияние оказал Виссарион Никейский, пользовавшийся большим авторитетом при папском дворе. В официальных документах того времени принцессу Зою называли «возлюбленной дочерью римской церкви». Она превратилась с годами в привлекательную девушку с темными блестящими глазами и нежно-белым цветом кожи. Кроме того, ее отличали тонкий ум и благоразумие в поведении (Pierling, 1896, с. 151). По единодушной оценке современников, в том числе супруги Лоренцо Медичи Кларисы Орсини, внешность Зои была довольно привлекательной. Но пышные формы девушки не соответствовали идеалу красоты итальянского Возрождения – тогда в моде были хрупкие, изящные фигуры (Schuhmann, 1966, с. 154). Видимо, именно этим обстоятельством объясняется появление того карикатурного портрета,

который описал поэт Луиджи Пульчи в письме к Лоренцо Медичи. Этот флорентиец посетил Зою Палеолог в июне 1472 года перед ее отъездом на Русь. Свои впечатления он изложил в следующих словах: «Я опишу тебе вкратце ... эту гору жира... Мы вошли в комнату, где торжественно восседала эта жирная масляница и, уверяю тебя, ей было на чем восседать ... Два турецких литавра на груди, отвратительный подбородок, лицо вспухшее, пара свиных щек, шея, ушедшая в эти литавры. Два глаза, стоящие четырех... Я не знаю, видел ли я когда-нибудь вещь столь обрюзглую и мясистую и наконец, столь смешную» (Пирлинг, 1892, с. 58 – 59). Это описание, едкое и злобное, приходит в противоречие со свидетельствами современников Зои Палеолог. Ее находила красивой Клариса Орсини (Пирлинг, 1892, с. 60). Болонские хронисты в том же 1472 году восторженно писали о Зое: «Воистину она ... очаровательна и прекрасна... Невысокого роста, она казалась лет 24; восточное пламя сверкало в глазах, белизна кожи говорила о знатности ее рода» (Пирлинг, 1892, с. 77 – 78).

Хотя к Зое не перешли наследственные права на византийский престол, Виссарион Никейский мечтал о короне для своей воспитанницы, чья ее высокое происхождение и величие ее предков – императоров династии Палеологов. В 1466 году обсуждался вопрос о браке принцессы Зои с королем Кипра Иоанном III (по рождению из французского рода Лузиньяков) (Schuhmann, 1966, с. 154). Ранее предполагался ее брак с маркизом Мантуи, сыном Лодовико III Гонзага (Скржинская, 2000, с. 196-197). Новый вариант замужества для Зои Палеолог возник в 1469 году. В конце правления папы Павла II при посредничестве Венеции созрел план добиться все-таки через брак принцессы Зои с русским великим князем Иваном III объединения с русской церковью и получить в лице московского князя важного союзника в борьбе с турецкой опасностью (Pastor, 1928, с. 385; Mohler, с. 316). Следует напомнить, что русская церковь была представлена на Флорентийском соборе 1438 года митрополитом Исидором, греком по происхождению, который подписал церковную унию, за что, по возвращении в Москву, попал в опалу и был вынужден спасаться бегством. Русь не поддержала тогда решение об объединении католической и православной церквей. Теперь делалась попытка добиться этого с помощью брачного союза.

Итак, инициатором переговоров о браке русского великого князя Ивана III и греческой принцессы Зои Палеолог был Рим. В 1469 году, в феврале, «грек Юрьи именем» привез московскому государю (великий князь Иван III овдовел в апреле 1467 года) послание «от гардинала Висариона» с предложением папы римского Павла II взять в жены дочь «деспота Яморийского Фомы Ветхословца» (Вологодско-Пермская ..., 1962, с. 225). Менее чем через месяц, в марте того же года, московский государь направил в Рим ответное посольство: «послал Ивана Фрязина к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону и царевну видети. Он же дошел тамо до папы и царевну видел». «Посольство Джан Батисты делла Вольпе (Ивана Фрязина) было успешным. Царевна же слышев, что князь великий и вся земля его в православной вере христьянской, восхоте за него» (Вологодско-Пермская ..., 1962, с. 225), как отметили русские летописи, Павел II даже выдал русскому послу специальные охранные грамоты, по которым посланники Ивана III могли свободно передвигаться по землям священной Римской империи в течение двух лет в их поездке за невестой.

Иван Фрязин, вернувшийся в Москву в конце 1469 года (не ранее ноября), привез Ивану III портрет невесты. Этот незначительный, на первый взгляд, факт нашел отражение в письменных источниках, настолько потрясло русских людей того времени появление произведения светской живописи. Незнакомый с художественными портретами летописец так и не смог отрешиться от церковной традиции и назвал картину иконой: «а царевну на иконе написану принесе» (Софийская ..., 1853, с. 197). Судьба этого портрета Зои Палеолог, к сожалению, неизвестна. Скорее всего, он какое-то время и хранился в княжеских покоях, пока очередной из бесчисленных пожаров Кремля не уничтожил его.

Несмотря на, казалось бы, удачный ход переговоров о браке, ни в 1470, ни в 1471 годах

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

послы Ивана III так и не были отправлены в Рим за невестой. Многие исследователи объясняют это тем, что резко обострились отношения Москвы с Новгородом (и состоялся поход на Казань) и решение внутренних проблем отвлекло великокняжескую семью от других дел. Но есть и другое обстоятельство, которое сыграло заметную роль в решении данного вопроса – отношение к браку Ивана III с католичкой русского митрополита Филиппа. Официальное великокняжеское летописание рисует идиллическую картину полного взаимопонимания между Иваном III и главой русской церкви по поводу нового брака Ивана Васильевича. На самом деле все было гораздо сложнее. Русского митрополита беспокоили попытки главы римско-католической церкви усилить свое влияние на территории одного из крупнейших в Европе государств и вовлечь страну в трудную борьбу с турецкой опасностью на Востоке. И в браке с греческой принцессой, воспитанной при дворе римского папы, Филипп видел эту опасность, хотя в переговорных грамотах Павла II нарочито подчеркивалось православное вероисповедание невесты (имя Зоя уже тогда было заменено на имя Софья, а фамилия отца Палеолог переведена на русский – Ветхословец). В дальнейшем даже официальные летописные своды не смогли скрыть негативного отношения митрополита Филиппа к этому браку. Видел он, без сомнения, и иную подоплеку затеваемого Римом брачного союза, могущую привести Россию к участию в тяжелой войне с турками.

Этот вариант был крайне желателен для Рима в политическом плане. Его отмечает в своих работах известный историк Е. Г. Скржинская. Итальянские источники свидетельствуют о том, что в качестве богатого приданого римский папа отдавал за Зоей Палеолог всю Морею, то есть бывшие владения на Пелопоннесе как ее отца, деспота Фомы, так и его братьев, поочередно правивших Мистрой. Это явствует из документа Венецианского сената от 20 ноября 1473 года (Скржинская, 2000, с. 267). О правах великого московского князя Ивана III на Восточную империю – Византию сенат упоминает и в своем послании к Ивану Васильевичу от 4 декабря 1473 года, в котором речь идет о возможном военном союзе итальянских городов-республик с татарским ханом «для подавления (турок) общего врага всех христиан, захватчика Восточной империи, которая – в случае, если в императорском доме не будет потомков мужского пола – принадлежала бы светлейшему вашему господству по праву вашего благополучнейшего супружества» (Скржинская, 2000, с. 271-272). Подспудно этим обращением сенат Венецианской республики пытался внушить Ивану III интерес и стремление к отвоеванию владений Палеологов, как мужу восточно-римской царевны. Но уловки венецианской дипломатии, направленные на якобы освобождение Московского государства от опасных соседей на Балканах (захваченных турками) и намеки на принадлежность захваченных Мухаммедом II земель Ивану III в силу его брака с наследницей Палеологов, не сработали. К тому же, в тот период еще были живы два брата Зои, как и она, правомочные наследники угасающей династии Палеологов. Да и само наследство – Пелопоннес, находилось во власти турецкого султана, что делало его весьма эфемерным. О приданом Зои Палеолог – Морее, сохранились записи только в хрониках городов Витербо и Виченцы, принимавших принцессу Зою по пути ее на Русь в 1472 году. Хронисты отмечали, что папа Сикст IV передал Зое всю Морею, «которую предполагалось силами мужа «королевы России» (*«la regina di Russia»*) отобрать у Мухаммеда II» (Скржинская, 2000, с. 203).

Но надеждам Рима и Венеции и опасениям русского митрополита Филиппа не суждено было сбыться. Умный и осторожный политик Иван III, отлично разобравшийся во всех «подводных течениях» римской дипломатии, последовательно отстаивал интересы России, не ввязываясь в авантюрные планы представителей католического мира. Насколько в этом были заинтересованы итальянские города-республики, и в первую очередь Венеция, свидетельствуют «Венецианские анналы» Доменико Малипьеры, составленные в 1474 году. Описывая посольство Семена Толбузина, Малипьеры писал: «Предполагается, что этот король (Иван III – прим. авт.) в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он – зять деспота

Фомы Палеолога, умершего в Риме, и, в случае смерти обоих сыновей последнего без потомства, Римская империя перейдет именно к нему» (Скржинская, 2000, прил. с. 281).

Итак, видя отсутствие послов от Ивана III, венецианский Сенат, направлявший представителей к хану Большой Орды для заключения военного союза против турок, дал поручение послу специально посетить столицу России. В сентябре 1471 года дипломат Антонио Джислярди привез в Москву папскую грамоту с повторным предложением заключить брак между Иваном III и Зоей Палеолог. Только в январе 1472 года, приняв окончательное решение, московский великий князь отправил посла Джан Батисту делла Вольпе к римскому папе и кардиналу Виссариону Никейскому. Русское посольство прибыло в Рим 23 мая и было размещено за пределами города в отеле Монте-Марио. Уже в дороге выяснилось, что папа Павел II умер в конце 1471 года. Поэтому послам пришлось срочно выскрёбывать его имя в послании великого князя Ивана III и заменять новым. Сикст IV немедленно созвал совет в связи с появлением посольства «Ивана, князя Белой России». Поскольку сведений об этой далекой стране известно было немного, особенно «о вере рутенов», часть прелатов высказала сомнение в целесообразности брачного союза Зои Палеолог. И все-таки брак был одобрен: «25 мая послы предстали пред тайной консисторией. Они подали открытое письмо, написанное на маленьком лоскутке пергамента, снабженное золотой печатью и содержащем только следующие слова на русском языке: «Великому Сиксту, первосвященнику римскому, князь Белой России Иван челом бьет и просит, чтобы верили его послам» (Пирлинг, 1892, с. 49). Тогда же папе Сиксту IV были вручены подарки – шуба и 70 соболей. Символическое обручение Зои Палеолог должно было состояться в базилике святых апостолов Петра и Павла с участием прелатов. Краткая информация о приеме посла великого русского князя Ивана III в Риме была включена в русские летописи: «... и бысть честь велика Фрязину и сущим с ним от папы и от царевичей, Фоминых детей Андрея и Мануила, и дары велики. И были тамо 32 дни» (Вологодско-Пермская ..., 1962, с. 248).

Первого июня 1472 года в церкви святого Петра состоялось торжество символического обручения Зои Палеолог с Иваном III, которого представлял на этой церемонии посол Иван Фрязин (Джан Батиста делла Вольпе). На таком ритуале настоял папский престол, поскольку речь шла о смешанном браке, имея ввиду воспитание греческой принцессы Зои в католической вере. Обряд совершил католический епископ в присутствии знатных патрицианок Рима, Флоренции, Сиенны. В их числе были королева Боснии Катарина и Клариса Орсини (из рода Медичи). Кардиналы прислали на церемонию своих представителей (Пирлинг, 1892, с. 61).

Невеста Ивана III получила от папы Сикста IV значительную сумму для долгого путешествия на Русь. В архиве города Рима хранится ассигновка, помеченная 20 июня 1472 года и исходившая от трех кардиналов, генеральных комиссаров крестового похода (они хранили средства для войны с турками). Ассигновка была адресована банкирам Лоренцо и Юлиано Медичи с просьбой выделить 6400 дукатов. Из них 4000 – принцессе Зое, «королеве русской» для путешествия в Россию, 600 дукатов – на долю епископа, который сопровождает ее в Москву и 1800 дукатов следовало задержать в кассе. Но по решению папы Сикста IV Зое выдали 27 июня 5400 дукатов. Доля епископа не изменилась (Пирлинг, 1892, с. 68-69).

Глава римско-католической церкви позаботился о надежном сопровождении невесты в ее дальнем путешествии в Москву. Сикст IV отправил письма (или бреве) к городским властям Болоньи, Нюрнберга, к проконсулу Любека с просьбой оказать радушный прием воспитаннице папского престола. Так в бреве от 21 июня 1472 года герцогу Модены Эрколо дэ-Есте он писал: «Наша возлюбленная о Христе Иисусе дочь, знатная матрона Зоя, дочь законного наследника константинопольской династии Фомы Палеолога ... нашла убежище у апостольского Престола ... Мы приняли ее с чувством любви и осыпали ее почестями в качестве дочери, предпочтенной другим. Она отправляется к своему супругу, с которым она обручена нашим попечением, дорогому сыну, знатному государю Ивану, великому князю Московскому, Новгородскому, Псковскому, Пермскому и других ... носим ту Зою, славного рода, в лоне наше-

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

го милосердия, желаем, чтобы ее повсюду принимали и чтобы с ней повсюду обращались доброжелательно. Это будет достойно похвалы и нам доставит величайшее удовлетворение» (Пирлинг, 1892, с. 70). Знатную невесту должны были принимать с надлежащими почестями и предоставлять продукты, лошадей и провожатых.

Виссарион Никейский также разослал в некоторые города письма с настоятельными просьбами о хорошем приеме его подопечной. Дело в том, что в начале мая 1472 года кардинал Виссарион, направлявшийся во Францию, встретился в Болонье с русским посольством, ехавшим в Рим за невестой великого князя Ивана III. Опекун принцессы Зои тут же отправил послание в Сиенну, предвидя успешное завершение миссии посла русского государя: «Это дело составляет предмет наших забот и наших попечений, ибо мы всегда были воодушевлены чувством ... сострадания по отношению к принцам византийским, пережившим такое бедствие, и мы считали своим долгом помогать им постоянно ввиду общих связей наших с отечеством и народом. Теперь, если этот посол повезет невесту чрез ваши пределы, мы усердно просим вас ознаменовать ее прибытие каким-нибудь празднеством и позаботиться о достойном их приеме, чтобы вернувшись к своему господину, они могли сообщить о расположении народов Италии к этой девице. Ей это доставит уважение в глазах ее супруга, вам – славу, а для нас это такая услуга, что за нее мы постоянно будем вам обязаны» (Пирлинг, 1892, с. 44-4).

24 июня 1472 года после аудиенции у папы Сикста IV в садах Ватикана, Зоя Палеолог в сопровождении 60 всадников и папского легата Антонио Бонумбре отправилась в далекий путь. Огромный обоз насчитывал около сотни лошадей (Pierling, 1891, с. 199). В свите византийской принцессы был Деметриос Ралли, посол братьев Зои. Сопровождал греческую принцессу и Юрий Траканиотес, один из ее сватов, бывший мажордом отца Зои, Фомы Палеолога. Состоял в свите невесты русского князя и князь Константин, грек из Мангуп-Кале (Крым), судьба которого на Руси сложилась необычно. Он принял постриг в Ферапонтовом монастыре, в 1490 году основал под Угличем скит, в котором жил как простой монах под именем Касьяна. Скончался знатный грек в 1504 году в возрасте около 80 лет. Русская церковь до сих пор чтит его как святого Касьяна Учемского (или Мангупского) (Smolisch, 1953 с. 481). Основанная им обитель просуществовала до конца XVIII столетия.

Куда бы ни прибывала высокопоставленная «жена из Константинополя» (ни разу, впрочем, в нем не бывавшая) – будь то Италия или Германия – ее везде ждал блестящий прием. Через Витебро Зоя направилась в Сиенну, куда прибыла 29 июня. Принцесса остановилась во дворце рядом с городским собором. От представителей этого города, которому отец Зои Фома когда-то передал через римского папу вторую из спасенных им реликвий – руку Иоанна Крестителя, принцесса получила в качестве подарка 50 гульденов. Через Флоренцию, где многочисленные беженцы из Греции занимались предпринимательской деятельностью, Зоя прибыла в Болонью (предположительно, 10 июля). Там, как сообщают хроники, ее приняли с большим восторгом. В церкви святого Доминика она присутствовала на мессе.

В город Виченцу, родину посла Джан Батисты делла Вольпе, принцесса со своей свитой въехала вечером 19 июля. Она остановилась во дворце Леонарда Нагаролы. Два дня пребывания здесь были заполнены пышными праздниками и банкетами. В честь Зои Палеолог ее резиденция была украшена многочисленными аллегорическими фигурами, над которыми размещался византийский двуглавый орел.

Венецианцы послали принцессе ценные дары и оплатили дорожные расходы посольства по всей своей территории. Пышные приемы в Виченце были прощанием Италии с племянницей последнего византийского императора, которая в глазах ее современников являлась законной наследницей правителей восточной империи. 22 июля 1472 года караван Зои Палеолог прибыл в местечко Пиано делла Фугацца в Альпах. Через Роветто, Триент, Бозен, Инсбрук и Аугсбург невеста Ивана III достигла имперского города Нюрнберга. К визиту принцессы Зои и папского легата с пышной свитой город был подготовлен специальным посланием папы

Сикста IV и особенно теплым письмом лично известного в Нюрнберге кардинала Виссариона Никейского. Знатный церковный князь греческой крови весной 1460 года провел в этом городе в должности папского легата, в связи с имперским сеймом, несколько недель и жил в доме патриция Бертольда Халлера (рядом с Эгидейской церковью). Следовательно, покровитель Зои неплохо знал обстановку в Нюрнберге. В то время как папское послание почти ничем не отличалось от однотипных по содержанию писем к князьям или городам, просьба Виссариона к Нюрнбергскому Совету была изложена очень подробно и обстоятельно. Это было последнее, что смог сделать опекун Зои Палеолог для своей воспитанницы – 18 ноября 1472 года он умер. Письмо кардинала исполнено заботы о дочери Фомы Палеолога и содержит интересные исторические сведения. Поэтому приведем его в нашем рассказе полностью: «Почтенному бургомистру и Совету города Нюрнберга, нашим любезнейшим друзьям. Любезные господа, наши любезные друзья. Из знатнейшего рода греков после опустошения города Константинополя осталось очень мало людей, среди них святейший деспот, брат императора Пелопоннеса, которого покойный папа Пий, благословенна будет память о нем, и священная коллегия кардиналов принимала с большими почестями в силу непревзойденного благородства и знатности его рода и высокочтимости его предков, а также в силу его необычайной мудрости, и который жил на скромном пансионе коллегии кардиналов Рима. Он оставил после своей смерти детей, среди которых была эта прелестная девушка; и когда пришло время выдать ее замуж, заботы о ней не были оставлены или уменьшены, как и то воспитание, которое получали несовершеннолетние дети, лишенные своего отца. И когда пришло время подобрать мужа, за которого могла быть отдана эта достойная девушка, я подошел к этому с большей серьезностью, чем те, которые родились в этой же стране, что и она и ее род и кто связан с ней родственными связями. И после того как с божьей помощью, старанием папы и моими усилиями, удалось найти для нее благороднейшего князя сарматов или Великой России, и она получила благословение священного собрания кардиналов и всего христианского мира, она направляется сейчас к своему супругу, с епископами, посланниками священного собрания и специально выделенными для этого дела ораторами, а также с папским легатом ... Они также присоединятся к свите. Просим вашу милость, чтобы вы приняли их, когда они приедут к вам в город, с возможными почестями и со всей милостью и добротой, тем самым оказав честь и римскому престолу, который воспитал эту девушку. Тем самым вы сделаете то, чего желает папа и все остальные, чтобы она еще с большей почестью и любовью была принята своим мужем, чтобы он понял, что вы приняли ее с почестями, вы доставите мне такое удовольствие, какого я не желал и не получал ни от кого другого, за что я вам буду благодарен и не останусь перед вами в долгу. Аминь. Отправлено в Лагдуне или Лиуне XXI числа месяца июня 1472 года».

Виссарион Никейский свидетельствует этим письмом, достойный прием принцессы для него очень важное дело, за что он заранее выразил свою особую признательность.

Имперский город Нюрнберг не мог не откликнуться на столь настоятельную просьбу. Никогда еще он не видел в своих стенах такого разноликого и пестрого, состоящего из греков, итальянцев и русских, каравана путников. Горожане были, вероятно, удивлены необычными чужеземными нарядами и видом принцессы, которую по свидетельствам нюрнбергских источников, приветствовали как «императрицу и королеву Константинополя и герцогиню России» (Die Chroniken ..., 1911, с. 104). К сожалению, скупые на слова нюрнбергские летописцы не оставили нам описаний костюма Зои Палеолог. Однако от более дотошных хронистов Болоньи мы знаем об этом; упоминаются накидка из бархата и горноста, ниспадающая с плеч – она покрывала пурпурное одеяние принцессы. В головном уборе невесты Ивана III сверкали золото и драгоценные жемчуга. Дорогой, обрамленный в браслете драгоценный камень, украшавший руку Зои, притягивал к себе взоры всех людей. Мы можем предположить, что по обычаю церемоний того времени при встречах императоров, королей и папских легатов, знатную даму с посланниками уже у стен города приветствовали старейшины города, представители город-

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

ского правления и всего духовенства, и что вся торжественная процессия под звон колоколов въехала через городские ворота Фрауэнтор.

По немногословным записям нюрнбергских хронистов, принцессы провела в городе четыре дня, с 10 по 14 августа. Но точный ход праздничной программы во время пребывания гостей нигде не зафиксирован. Источники сообщают об этом кратко. К сожалению, не сохранились документы городского совета, счета городских служб об оплате расходов за 1472 год. Но до нас дошли подробные сведения о подарках, которые получила Зоя Палеолог в Нюрнберге. По свидетельствам дарственных книг Совет города вручил принцессе позолоченный сосуд – серебряный с росписью кубок, стоивший 68 гульденов, а также сорок кувшинов вина. Женщины города подарили Зое бочонок вина и 20 коробок сладостей. Эти подарки были переданы принцессе, видимо, во время приема в городской ратуше. Торжественный прием явился кульминацией пребывания греческой принцессы в Нюрнберге. Очень кратко сообщают летописцы о танцах в большом зале ратуши. Зоя якобы была нездорова и поэтому сама не танцевала. Непосредственно после этого приема на ближайшей площади – центральном рынке, состоялось открытое состязание или турнир юных патрициев в честь высоких гостей. Победителем в рыцарских играх стали Никлос Имхов, которому принцесса надела на руку золотое кольцо, и Ульрих III Штример, которому она кольцо послала, так как из-за недомогания была вынуждена покинуть турнир.

Сведений о том, кто помогал Зое Палеолог в общении с представителями городских властей и жителями Нюрнберга, нет. Переводить разговоры с латинского могли, вероятно, юристы или священники. Греческим языком в тогдашнем Нюрнберге вряд ли кто владел лучше, чем мастер Иоганн фон Кенигсберг, известный как Регимонтанус, поселившийся здесь еще в 1471 году. Принцесса несомненно знала этого ученого по Риму, так как он был подопечным кардинала Виссариона и его ближайшим помощником. Встреча Зои и Регимонтануса в Нюрнберге очень вероятна.

Радушным приемом Зои Палеолог и ее посольства в городе нюрнбержцы выполнили настоятельную просьбу папы и кардинала Виссариона. Предприимчивые члены городского Совета знали, как в этой ситуации получить выгоды для себя. Как только принцесса выехала из города, были направлены на имя «светлейшей и добрейшей госпожи Софьи, императрицы и достойнейшей королевы империи Константинополя и герцогини России» и достопочтенному папскому легату Антонио Бонумбре, епископу Аккии, послания с прошениями о рекомендательных письмах к папе и некоторым кардиналам для Нюрнберга.

Утром 15 августа 1472 года караван путешественников с принцессой Палеолог через Тиргертнерские ворота покинул гостеприимный Нюрнберг. Через Баумберг, Кобург, Айсфельд, Ильменау и Арнштадт путь вел в Эрфурт. Затем через Грейсен, Нордхаузен, Вернигероде, Вольфенбюттель, Брауншвейг, Целле, Люнебург и Мелльн дорога привела посольство в город Любек. После десятидневного отдыха в этом богатом торговом центре (с 1 по 10 сентября) началось морское путешествие в Лифляндию. Плавание по Балтийскому морю было трудным и, как отметили летописи, «носило их море 11 день» (Московский ..., 1949). Только 21 сентября 1472 года корабль пришел в «Колывань», как называли тогда русские письменные источники город Таллинн, столицу современной Эстонии. Первого октября процессия отправилась в заключительную сухопутную часть пути в Москву.

Через пять дней добрались до Юрьева, ныне город Тарту в Эстонии, а 11 октября состоялся торжественный въезд невесты Ивана III в Псков, где сделали небольшую остановку. Торжественность встречи произвела на Зою сильное впечатление, и она обещала псковичам: «Где ... вам надобе будет, ино яз ... о ваших делах хоцю печаловатися велми» (Псковская ..., 1848). Приезд иноземной принцессы вызвал огромный интерес русских людей. Так летописцы составили весьма эмоциональную и подробную запись об этом событии: «Тогда царица приехала из Великого Риму, а приезд ея из немец ... а священноиноки и священники и дьяконы вышли со

кресты ... а псковичи чтиша и дариша ю много и даша ей дароу 50 рублиев; и поеха из Пскова за князя великого Ивана Васильевича на Москву и проводиша ю до новгородского рубежа: и быша оу ней люди черны, а иные сини, а боярин был ея великого князя Юрьи Малой Грек, а владыка тверской Нил был того же роду» (Псковская ! ..., 1848). Небезынтересно упоминание в русской летописи о людях с темной кожей в свите Софьи Палеолог – видимо, среди сопровождавших ее слуг были представители африканского континента.

Дальнейший путь невесты московского государя до Новгорода занял еще неделю. Новгородские приставы приехали встречать Софью Палеолог на рубеж с Псковской землей «и взяша казну ея на свои подводы». В Великом Новгороде будущая русская княгиня пробыла пять дней. Она получила благословение владыки Феофила, богатые дары от посадников и от всего города, и «поеха скорее к Москве», покинув Новгород 30 октября 1472 года. Но заключительный переход из Новгорода в столицу был омрачен из-за папского легата Антонио Бонумбре, возглавлявшего процессию, перед которой его слуги несли католический крест. По всей видимости, это был большой процессионный (выносной) «крыж», как на польский манер презрительно называли его летописцы. Открытая демонстрация католического креста вызвала скандал в Москве, и был он настолько серьезным, что русские летописные своды не смогли замолчать его. Митрополит Филипп, так и не смирился с браком Ивана III и католички, воспитанницы папского престола. Поведение папского посланника вызвало его гнев: «Не мощно тому быти, кое въ град сыи ему внити, но не приближаться ему» заявил митрополит Филипп и пригрозил великому князю покинуть Москву в случае появления в городе легата с католическим символом веры: «Аще ли тако учинишь, почтити его хотя, но он въ врата граду, а яз, богомолец твой, другими враты из града; не достоин бо нам того ни слышати, не токмо видети, поне же бо възлюбив и похваляй чужую веру, то своей поругался есть» (Московская ..., 1949, с. 299). И как дипломатично отметили составители летописных сводов, «слышав же сие князь великий, посла к тому лягату, чтобы не шел перед ним крыж, но повеле скрыти его» (Московская ..., 1949, с. 298). По распоряжению Ивана III торжественный кортеж был встречен за 15 верст от столицы. Боярин Федор Хромой, выполняя волю государя, «повеле крыж у легатоса отнявши, да в сани положить, а Фрязина поимати да и пограбити; то же все сътвори Федор, за пятнадцать верст встретил ея. Тогда убоялся легатос» (Львовская ..., 1910, с. 299). Только после этого инцидента Софья Палеолог въехала в Москву, где 12 ноября, в четверг, произошла ее первая встреча с Иваном III. Свадебная церемония состоялась в Кремле в тот же день. Интересно, что венчание было приурочено ко дню памяти Иоанна Златоуста – небесного покровителя Ивана III, празднование в честь которого начиналось именно 12 ноября (Борисов, 2000, с. 317).

И вновь официальное летописание рисует нам умилительную картину бракосочетания, подчеркивая православие невесты и активную роль в обряде венчания русского митрополита. Но некоторые независимые своды отметили, что и на этом этапе митрополит Филипп или был отстранен от участия в церемонии за строптивость, или же сам отстранился, демонстрируя свое несогласие с женитьбой Ивана III. Ритуал венчания великого князя и Софьи Палеолог, по версии одного из независимых источников, совершил не митрополит Филипп, а коломенский «протопоп Осей». Итак, 12 ноября 1472 года греческая принцесса, представительница династии Палеологов, стала второй женой московского государя Ивана III. Посольство, сопровождавшее Софью на Русь, находилось в Москве еще одиннадцать недель и только 26 января 1473 года отправилось в обратный путь, получив богатые дары, в том числе и римского папы Сикста IV.

В первом браке Ивана Васильевича с тверской княжной Марией Борисовной родился один ребенок – сын Иван Молодой. Вторая семья московского великого князя была многочисленной – Софья Палеолог родила двенадцать детей. В письменных источниках русского средневековья о составе второй семьи Ивана III сведений сохранилось немного. Не знаем мы и подробных описаний внешности и характера интересующих нас исторических персонажей.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

И все же есть возможность, пусть и кратко, рассказать об этой семье, судьба членов которой тесно связана с важными событиями в истории Московского государства в конце XV века.

Ивану III в 1472 году исполнилось 32 года. В записках Амброджо Контарини, посла Венецианской республики, побывавшего в столице Руси в 1476 – начале 1477 гг., сохранился единственный известный на сегодня словесный портрет великого князя и упоминания о его семье: «Упомянутому государю от роду лет 35; он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек ... есть у него сын от первой жены, но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной; говорят, что деспина беременна ...» (Иностранцы ..., 1991, с. 8-9). Один из русских летописных сводов зафиксировал прозвище Ивана III – Горбатый; очевидно, он сутулился, как многие люди высокого роста.

Софья Палеолог вышла замуж, по меркам средневекового времени, уже далеко не в юном возрасте. Что касается ее облика, то по отзывам итальянских хронистов, приведенным выше, она была невысокого роста, обладала удивительно красивыми глазами и несравненной белизны кожей. Известные на сегодня родословные таблицы московского правящего дома грешат многими ошибками. Ни одна из таких сводок не приводит точного списка детей Ивана III и Софьи Палеолог. Мы попробуем, пусть на основе и очень отрывочных сведений, сделать это. Первой у Ивана III родилась дочь Елена – это произошло 18 апреля 1474 года; но в связи с тем, что в дальнейшем о ней нет никаких упоминаний, скорее всего она умерла младенцем. Вторым ребенком в этой семье также была девочка, родившаяся 28 мая 1475 года и названная Феодосией. Известно, что в феврале 1500 года ее выдали замуж за князя Василия Холмского. Но брак был недолгим, так как 19 февраля 1501 года юная княжна Феодосия умерла. Сведений о месте погребения первых дочерей Софьи Палеолог в кремлевской княжеской усыпальнице Вознесенского монастыря нет.

В апреле 1476 года (19 числа) Софья Палеолог родила третью дочь, названную, как и первая, Еленой (Летописный ..., 1963, с. 310). В возрасте 19 лет она была выдана замуж за великого литовского князя Александра. Муж Елены, ставший впоследствии польским королем Александром I Ягеллончиком, умер в 1506 году. Сама вдовствующая королева погибла в возрасте 37 лет 20 января 1513 года. Елена Ивановна стала жертвой политических амбиций Сигизмунда I Старого, по приказу которого ее заключили в тюрьму «за Вилною, в Бершьтах и королевны Олены в той нужи и в животе не стало» (Патриаршая ..., 1904, с.15). Ее похоронили в городе Вильно (ныне Вильнюс, столица Литвы), в храме святого Станислава. Детей в этом браке не было. Косвенным подтверждением именно такого порядка рождения первых детей у Софьи служат приведенные выше слова посла Контарини о том, что в семье великого князя в 1476 году было две дочери. Следует иметь ввиду, что рождению девочек в великокняжеской семье летописцы традиционно уделяли мало внимания. Но когда на свет появился 26 марта 1479 года следующий ребенок Ивана III, летописи отметили это событие пространными текстами. Это объясняется тем, что родился мальчик, княжич Василий, будущий князь Василий III.

Через год на свет появился еще один сын (23 марта 1480 года), названный Юрием, будущий владетель Дмитровского княжества: он погиб в тюрьме в возрасте 56 лет. В октябре 1481 года, 6 числа, у великого князя Ивана Васильевича родился третий сын, Дмитрий, получивший со временем в удел Углич. Он умер в 1521 году в возрасте 40 лет. Под 1488 годом (февраль месяц) в летописях говорится о рождении в великокняжеской семье очередной дочери – Евдокии, дальнейшая судьба которой по письменным источникам никак не прослеживается – видимо, и она умерла в раннем возрасте. Еще через два года, 13 февраля 1485 года родился сын Иван. Но, судя по всему, и его постигла ранняя смерть, поскольку других данных об этом мальчике нет. 21 марта 1487 года в семье Ивана III и Софьи Палеолог на свет появился очередной сын, которого называли Семионом. Он получил впоследствии во владение Калугу, но умер молодым, в возрасте 31 года. Под 1490 годом (5 августа) летописи зафиксировали рождение в семье московского государя сына Андрея. Этот удельный старицкий князь в 1536 году стал жерт-

вой династической борьбы и погиб в тюрьме. Точная дата рождения пятой дочери Ивана III неизвестна (около 1492 года). Княжну Евдокию рано, в 1506 году, выдали замуж за крещеного татарского царевича Петра, ставшего, таким образом, родственником великого князя Василия III, государя «всея Руси». Но брак был недолгим. В 1513 году княжна Евдокия умерла, оставив после себя двух маленьких дочерей. В письменных источниках сохранились смутные упоминания о смерти около 1503 года еще одного сына Ивана III – Бориса. Сведений о его рождении в летописях нет, но к началу XVI века он должен был быть подростком, учитывая уже солидный возраст его родителей в последнее десятилетие XV столетия. На сегодняшний день приведенные выше данные являются наиболее полными материалами о составе второй семьи великого князя Ивана III. Как мы увидим, заботы о судьбе некоторых из них займут важное место в жизни их матери, великой княгини Софьи.

С приездом в 1472 году в столицу России греческой принцессы, наследницы бывшего величия Палеологов, при русском дворе образовалась довольно большая группа выходцев из Греции и Италии. Многие из них заняли со временем значительные государственные должности и не раз выполняли важные дипломатические поручения Ивана III. У Софьи, как считают некоторые исследователи, даже существовала своя собственная дума, состав которой определяли приехавшие с нею и осевшие на Руси греческие и итальянские аристократы, в частности, видные дипломаты конца XV века Траханиоты (Зимин, 1988, с. 292).

Следует напомнить, что традиции русского средневековья строго ограничивавшие роль женщины кругом домашних забот, распространялись и на семью великого князя и на представительниц знатных фамилий. Именно поэтому сохранилось мало сведений о жизни великих русских княгинь. Летописи не всегда даже упоминали о рождении дочерей в семье главы государства и чаще всего умалчивали об их дальнейшей судьбе. На этом фоне история жизни Софьи Палеолог отражена в письменных источниках много подробнее. Стоит напомнить, что великий князь Иван III относился к своей жене, получившей европейское воспитание, с пониманием и даже разрешал ей давать аудиенции иностранным послам. В воспоминаниях иноземцев о Руси второй половины XV столетия сохранились записи о таких встречах с великой княгиней. В 1476 году венецианский посланник Контарини был представлен московской государыне. Вот как он вспоминал об этом, описывая свое путешествие в Персию: «Государь пожелал также, чтобы я посетил деспину. Я это сделал с должными поклонами и соответственными словами; затем последовала длительная беседа. Деспина обращалась ко мне с такими добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны; она настоятельно просила передать ее приветствие светлейшей синьории; и я простился с ней» (Контарини, 1971, с. 230). В 1490 году Софья Палеолог встречалась в своей части кремлевского дворца с цесарским послом Делатором (Библиотека ..., 1836, с. 114).

Сведения о второй жене Ивана III можно найти и в источниках XVI – XVII веков. О ней писали австрийский посол при царе Иване IV Сигизмунд Герберштейн, польский историк XVI столетия Рейнгольд Генденштейн, английский поэт Джон Мильтон в своем трактате «Москва» и другие.

После приезда Софьи Палеолог на Русь и до конца XV века великий московский князь Иван III пять раз направлял посольства в Италию. Но в их задачи не входило налаживание связей в области политики или торговли. Все они возвращались в Москву с большими группами специалистов, среди которых были архитекторы, врачи, ювелиры, мастера монетного дела и оружейные мастера. Дважды с русскими посольствами в столицу России приезжал брат Софьи Андреас (русские источники называли его Андреем). Так получилось, что великая княгиня какое-то время поддерживала связь с одним из членов своей семьи, распавшейся в силу сложных исторических событий.

Впервые Андреас Палеолог побывал на Руси, в Москве, в 1479-1480 гг. Считается, что он выполнял какие-то поручения главы римско-католической церкви к русскому государю. Но,

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

скорее всего, брат Софьи пытался в очередной раз поправить свои дела и раздобыть денег. Это доказывает одно интересное свидетельство русских источников о том, что великая княгиня «порастеряла казны много». Результатом первого визита Андрея Палеолога в Москву стал брак его дочери Марии и удельного князя Василия Верейского (правнук Дмитрия Донского), племянника великого князя Ивана III. История эта имела несколько неожиданное продолжение, о котором и не думали устраивавшие в 1480 году выгодный для себя брак Палеологи. Судьба племянницы Софьи – Марии Палеолог на Руси сложилась, в силу одного обстоятельства, крайне неудачно. Случай этот нашел подробное освещение в русских летописных памятниках, и о нем стоит рассказать подробно.

Дело в том, что великая княгиня Софья отдала своей племяннице Марии в качестве свадебного подарка драгоценности, принадлежавшие прежде первой жене Ивана III – тверской княжне Марии Борисовне и тщательно сохранявшиеся в великокняжеской казне. Случилось так, что Иван III не знал об этом. В 1483 году он решил одарить ими жену своего старшего сына Ивана Молодого Елену, дочь молдавского деспота Стефана Великого, подарившую ему внука Дмитрия. Запись в летописном своде под 1483 годом так описывает разразившийся семейный скандал: «... восхоте князь великий дарити сноху первой своей княгине тверской саженьем и просил у тое второе княгине великой римлянке. Она же не даст, понеже много истеряла казны великого князя; кое брату давала, кое племянницу давала ... и много давала» (Летописный ..., 1963, с. 151). Случившееся получило большую огласку, так как разгневанный Иван III потребовал от Василия Верейского возвращения сокровищ и хотел даже заключить его в тюрьму, чем вынудил последнего к побегу вместе с женой в Литву. Погоня не смогла остановить удельного князя: «И посылал князь великий Бориса Турена за ним и мало его не яша». Неразумное обращение с великокняжеской казной, предметом особых забот не одного поколения московских государей, показывает, что с традициями новой для себя страны Софья Палеолог осваивалась с трудом. Насколько же серьезен был ее просчет говорит тот факт, что спустя много лет, в 1495 году, Иван III соглашался простить князя Василия Верейского и принять на Русь, но только при условии возвращения драгоценностей, о которых шла речь выше. Показательна недоброжелательная интонация записи в летописи в адрес великой княгини, чье поведение вызвало неудовольствие Ивана III.

Аналогичной была реакция летописцев в отношении Софьи Палеолог и ранее, в связи с событиями 1480 года, в сложный для судьбы России исторический момент. Нашествие орд хана Ахмата вынудило Ивана III спешно вывезти из Москвы великокняжескую казну. На Белоозеро отправилась и княгиня Софья с детьми. Знаменитое стояние на Угре закончилось позорным бегством войск Ахмата. Но великая княгиня вернулась в столицу только в 1481 году: «... прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала за Белоозеро и с боярынями от татар, а не гонима никим же» (Сокращенный ..., 1962, с. 284). Но в данном случае следует учесть, что Софья Палеолог покинула Москву, в которой в тот момент не было ни достаточно войска для обороны, ни мужа, несомненно беспокоясь за судьбу своих детей – самой старшей дочери в тот момент было всего пять лет. К тому же, в начале 1480 и в конце 1481 года Софья родила двух сыновей, что ограничило возможность ее активного передвижения. Но этот отъезд из столицы в период общенационального подъема в борьбе с игом посчитали проявлением слабости. Правда, стоит сказать, что и сам Иван III был обвинен тогда в нерешительности, когда на две недели покинул войско, стоящее на Угре, и прибыл в Москву – в решающих событиях войны русский великий князь традиционно лично должен был возглавлять свое войско.

Неоднозначная оценка поведения Софьи Палеолог в разные периоды ее жизни на Руси говорит о том, как трудно было этой западноевропейской женщине постигать законы страны со сложной исторической судьбой, со своими традициями и иной шкалой духовных ценностей. И преодолевать традиционно настороженное отношение к иностранцам на Руси. Кстати, летописец, позволивший себе упрёки в адрес великой княгини и ее свиты, воздал должное

победителям в великом «стоянии на Угре» – русским воинам. В его рассуждении мы слышим порицание народам, не отстоявшим свою независимость и вынужденным скитаться в поисках счастья по чужим землям. В их числе упомянуты и греки – в окружении Софьи Палеолог их было много: «пострадаша и инии велици и славнии земли от турков ... блъгаре и сърби и греци и трапизон и Аморея ... и хръваты и Босна и Манкуп и Кафа, ... иже не стяжа мужественне... и скитаются по чюжим странам бедне ... и много плача и слез достойно, укоряеми и поношаеми, оплеваеми, яко немужественни...» (Типографская ..., 1921, с. 202).

Софья Палеолог приехала в Москву в конце 1472 года. Можно себе представить, какое впечатление произвели на нее старые кремлевские соборы еще калитинского времени (первой половины XIV века) и обветшавшие белокаменные стены и башни крепости, построенной при Дмитрии Донском. После Рима и городов континентальной Европы с их великолепными каменными сооружениями разных эпох и стилей, трудно, наверное, было примириться греческой принцессе Софье с тем, что обряд ее венчания проходил во временной деревянной церкви, стоявшей на месте разобранного Успенского собора XIV века. Нет сомнений в том, что рассказы Софьи и приехавших с нею представителей греческой и итальянской знати о прекрасных образцах церковной и гражданской архитектуры итальянских городов, об их неприступных укреплениях, повлияли на решение Ивана III привлечь для перестройки Кремля – резиденции русского государя – иноземных мастеров.

Удивительное ощущение возникает сегодня при взгляде на стены и башни московского Кремля, на его древние храмы и палаты – многое из сохранившегося ныне было построено при великой княгине Софье. Прошло несколько столетий, но точно такими же видела она Успенский собор и церковь Ризположения, Грановитую палату. Да и сама крепость, охранявшая древний центр столицы Руси, росла и создавалась на ее глазах, хотя за прошедшие затем века облик укреплений несколько и изменился. Рассказ о Софье Палеолог и ее времени будет, наверное, не совсем полным без упоминания об истории перестройки Кремля и деятельности итальянских архитекторов в Москве в конце XV века.

Именно в области культуры и техники проявился наиболее ярко характер русско-итальянских отношений после приезда на Русь второй жены великого князя Ивана III. Так и не оправдались надежды римского престола расширить влияние католичества на Руси. Не смогли итальянские города-республики, и прежде всего Венеция, использовать русское государство в качестве военного союзника в войнах на Востоке. Все это осталось неосуществленным, так как Иван III, проводя независимую политику, увидел в Италии прежде всего источник квалифицированных кадров в различных областях техники и культуры. О задачах посольств, отправленных во второй половине XV столетия великим московским князем на Аппенинский полуостров, мы упоминали выше.

Особой заботой великого князя была перестройка резиденции и превращение ее в неприступную крепость. Поэтому в письменных источниках русского средневековья мы чаще всего встречаем имена итальянских архитекторов. Наверное, в Москву соглашались ехать не всегда самые выдающиеся мастера своего дела – для них широкое поле деятельности было обеспечено и на родине. Но оставленные ими в столице Руси постройки свидетельствуют не только о хороших навыках, но и высоком мастерстве и вкусе их создателей. Один из известных болонских архитекторов Аристотель Фиерованти, прибывший в Москву в 1475 году, получил задание построить Успенский собор. Мастер был поставлен в довольно жесткие рамки, так как за образец ему велели взять Успенский собор XII века города Владимира, указав создать более грандиозную постройку. Интересно, что Фиерованти предпринял в связи с этим длительную поездку по древним русским городам с целью ознакомления со старой русской архитектурой. Только после этого, разрушив остатки неудачного опыта московских мастеров, он приступил к сооружению нового здания храма. Оно было завершено к лету 1479 года и с тех пор Успенский собор Кремля является главным храмом русского государства.

Территория Кремля, начиная с 1485 года, надолго стала грандиозной строительной площадкой. Только московский государь, обладавший огромной реальной властью и большими материальными ресурсами, мог начать столь масштабные работы. Напомним, что почти одновременно шло строительство храмов, дворцовых зданий и крепости. В 1484 году началась перестройка старого Благовещенского собора (здесь трудились русские мастера), а рядом с ним итальянцами был заложен большой Казенный двор, занявший все свободное пространство вплоть до Архангельского собора. Сооружение этих зданий завершилось в конце 80 – начале 90 годов XV века. С 1485 года украшает Соборную площадь Кремля небольшая церковь Ризоположения, построенная псковскими мастерами. Между нею и Благовещенским собором с 1487 по 1491 год шло сооружение большой палаты для парадных приемов; им руководил Марко Фрязин. Но завершал работы над этим зданием в 1491 году уже Пьетро Антонио Солари, приехавший на Русь в 1490 году (речь идет о Грановитой палате Кремля).

Наиболее грандиозные и сложные работы были связаны с перестройкой крепости. Есть предположение, что в разработке плана новых оборонительных сооружений Москвы принимал участие и Аристотель Фиерованти; позже к проектным и строительным работам были привлечены приехавшие на Русь Марко Фрязин и Антон Фрязин. В летописях с их именами связывают не только руководство при возведении гражданских построек, но и сооружение башен Кремля. В 1485-1488 годах были построены Тайницкая и Свиблова башни (Антон Фрязин), угловая Беклемишевская башня (Марк Фрязин). С 1490 года все работы по возведению укреплений возглавил прибывший в Москву Пьетро Антонио Солари. Под его началом в 1490-1491 годах были сооружены Боровицкая, Фроловская, Константино-Еленинская и Никольская башни, а также и Собакина (позднее – Угловая Арсенальная). После смерти этого мастера, последовавшей в 1493 году, пригласили новых архитекторов для завершения реконструкции центра столицы России. Среди них выделялся Алевиз Фрязин, начавший в 1499 году возведение каменного дворца для великокняжеской семьи (строительство затянулось до 1508 года), и Алевиз Новый, построивший в Кремле в начале XVI века Архангельский собор и другие храмы и создавший вокруг крепости систему плотин и огромный оборонительный ров на Красной площади. Правда, великая княгиня Софья не дожидая, как и Иван III, до полного завершения всех строительных работ. Но основные сооружения, составляющие и сегодня исторические достопримечательности столицы России, им довелось увидеть во всей их первозданной красоте.

Итальянским архитекторам-фортификаторам пришлось почти полностью повторить конфигурацию Кремля XIV века, в которой ничего уже нельзя было существенно улучшить. Привыкшим к строительству регулярных геометрического плана крепостей, им пришлось считаться с асимметричной планировкой Кремля и решать сложные задачи, учитывая непростое гидрогеологическое размещение Боровицкого холма. И оборонительные сооружения Москвы рубежа XV-XVI веков оказались мощной крепостью, выдержавшей осаду врагов и времени. Совершая сегодня прогулку по окруженному зеленым садам древнему Кремлю, задумаемся над тем, что стены стоящих на его территории палат и храмов помнят великую княгиню гречанку Софью Палеолог, на глазах которой совершалось преобразование резиденции московского государя.

Происхождение и воспитание Софьи, несчастья, постигшие семью Фомы Палеолога, ее долгое пребывание при дворе римского папы, не могли не сказаться на характере принцессы, о силе и независимости которого особенно ярко говорят обстоятельства последних десятилетий ее жизни. Династическая борьба, перипетии которой попали на страницы русских летописей, проходила в конце XV века при активном участии великой княгини Софьи. Эхо тех событий мы найдем в воспоминаниях не только современников случившегося, но и в высказываниях некоторых деятелей русской истории XVI столетия – например, в деле Ивана Берсенья Беклемишева и в посланиях Андрея Курбского царю Ивану IV. Одна из основных причин такого внимания

состоит в том, что Софья Палеолог оказалась в центре острой династической борьбы, развернувшейся при московском великокняжеском дворе в последнее десятилетие XV века. В 80-е годы здесь складываются две группировки феодальной знати, знаменем одной из которых был наследник престола князь Иван Молодой – сын Ивана III от первого брака (родился 15 февраля 1458 года).

Вторая образовалась в окружении гречанки Софьи Палеолог. Почвой для соперничества служили не только династические, но и религиозные вопросы, а также политические ориентиры участников этих партий. Борьба между ними особенно обострилась после 1490 года, когда Иван Молодой умер и как наследник престола стал выдвигаться, не без помощи матери, Елены Волошанки, его сын Дмитрий. Внук Ивана III (родился 10 октября 1483 года). Несмотря на то, что первоначально чаша весов склонялась в пользу княжича Василия, старшего сына Ивана III и Софьи Палеолог, с 1492 года положение меняется. Постепенно Василий оттесняется на второй план. В 1497 году его вместе с матерью великий князь даже обвиняет в заговоре и удаляет от себя, казнив некоторых людей из окружения княгини Софьи. В феврале 1498 года Дмитрий Внук был объявлен наследником престола, хотя какой-либо заметной роли в решении государственных дел этот подросток не играл и собственной линии поведения не имел.

Но изменение общей политической ситуации уже через год привело к резкому повороту в судьбах потомков Ивана III. Партия Елены Волошанки и Дмитрия терпит крах по целому ряду причин – здесь и резкая перемена политики по отношению к Литве отца Елены, Стефана Великого, и разгром партии нестяжателей, на которую опиралась эта княгиня. О поддержке еретиков снохой великого князя свидетельствует высказывание самого Ивана III, сделанное в 1503 году в одной из бесед с Иосифом Волоцким: «А Иван, деи, Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел. А однолично, деи, пошлю по всем городам, да велю обыскивати еретиков, да искоренити» (Послания ..., с. 1959, 176). В результате, Василий, сын Софьи Палеолог, нарекается в 1499 году князем Новгородским и Псковским, а в 1500 его уже называют «великим князем всея Руси».

Окончательное падение Дмитрия Внука и его матери, княгини Елены (в 1502 году они были посажены в тюрьму, где и умерли), ставит точку в решении затянувшегося династического спора при дворе великого московского князя (Продолжение ..., 1859, с. 242). Удивительно, что в итоге длительной борьбы за власть наследником престола стал представитель не старшей, законной, а младшей ветви династии, в лице князя Василия, сына Софьи. О значимости этого события для великой княгини, о ее роли в династической борьбе при русском дворе, свидетельствует дошедший до нас интереснейший памятник прикладного искусства – шитая пелена 1499 года, вклад Софьи Палеолог в Троице-Сергиев монастырь. Изображения на пелене говорят, в основном, об Иване III и его сыне Василии. Слева от Боголюбской иконы помещен Иоанн Златоуст, справа от Иоанна Предтечи – апостол Тимофей. Это святые, имена которых носил великий князь; Василий Парийский и архангел Гавриил – святые сына Софьи Василия. Великая княгиня даже не помещает на пелене своей святой. Этот вклад говорит о сыне Василии и не является молением о всей великокняжеской семье, так как сделан по особому случаю – победы партии Софьи Палеолог в борьбе за наследование престола ее сыном. О том, что пелена была создана при активном участии великой княгини Софьи свидетельствуют интересные особенности и в иконографии памятника и в технике его исполнения.

Но самое главное в нем – необычно пышный титул Софьи Палеолог во вкладной надписи. Напомним, что в средневековой Руси женщин всегда называли только по имени мужа, часто без упоминания ее собственного. Софья не забыла о своем высоком происхождении и в надписи постаралась подчеркнуть приоритет своих предков в наследовании власти в русском государстве. Звучит эта вкладная формула так: «Лета 7007 создана сия пелена при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при его сыне великом князе Василе Ивановиче и

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

при архиепискупе Симане митрополите замышлением и повелением царевны царьгородцкыя великою княгинею московскою Софьею великого князя Московского; молилася Троице Живоначальныя и Сергию чудотворцу и приложила сию пелену» (Маясова, 1971, с. 22). В этом интересном памятнике своего времени Софья Палеолог остается как бы в тени, и только во вкладной надписи напоминает всем о своем царственном происхождении и величии.

Великая княгиня Софья Палеолог скончалась 7 апреля 1503 года, что и зафиксировали летописные своды, некоторые из которых напомнили и о ее национальности: «... великая княгиня Софья, грекия» (Летописцы ..., 1968, с. 124). Похоронили вторую жену Ивана III в Вознесенском соборе соименного монастыря, располагавшегося на территории Кремля у Фроловских (Спасских) ворот. Ритуал захоронения Софьи Палеолог нашел отражение в Лицевом летописном своде второй половины XVI века. На одной из миниатюр, в ее левой части, изображен момент оплакивания умершей княгини, а в правой – ее отпевания на фоне трехглавого монастырского храма, отделенного от остальной застройки Кремля деревянной стеной с воротами.

Судя по сохранившимся описаниям храма Вознесения, сделанным в конце XIX столетия А. Пшеничниковым, могила княгини Софьи размещалась в наиболее почетной части усыпальницы – возле южной стены (в юго-западном углу), между могилами княгини Марии, первой жены Ивана III (умерла в 1467 году) и Елены Глинской, второй жены Василия III, умершей в 1538 году (Пшеничников, 1886). Над могилой Софьи Палеолог был устроен надгробный памятник, аналогичный сохранившимся до наших дней в интерьере Архангельского собора Кремля. А. Пшеничников отметил отсутствие на нем резной плиты с надписью, поскольку со всех сторон памятник был закрыт надгробиями окружавших его захоронений.

В 1929 году, после разборки Вознесенского собора, многочисленные погребения, обнаруженные под его полами, были перенесены в подвальную палату южной пристройки Архангельского собора. Тогда же специальная комиссия провела вскрытия и осмотр всех погребений, составив их краткое описание. Есть среди этих материалов и информация о захоронении княгини Софьи. В «Дневнике вскрытия захоронений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле» отмечено, что при изучении ее саркофага был зафиксирован костяк, обернутый саваном из итальянской камки. На белокаменной крышке гроба была замечена надпись в технике граффити, состоявшая только из одного слова «Софья» (Дневник ..., 1929, л. 16).

Захоронение великой княгини совершили в массивном белокаменном саркофаге антропоморфной формы (с выступающим полукруглым оголовьем и плечиками мягкой формы). В настоящее время изготовленный из монолита известняка гроб в нескольких местах имеет трещины, а крышка – утраты. Длина саркофага 1, 83 м, ширина в плечах 0, 68, а в ногах – 0, 42 м. Толщина его стенок колеблется в пределах 5-7 см, толщина крышки – от 5 см в ножном торце до 7 см в головах. Следует указать на некоторые особенности в устройстве гроба. Прежде всего, отметим небольшие уступы на его боковых стенках, имитирующих контуры человеческого тела. Подтезка прослеживается на всю высоту стенок саркофага на расстоянии 0, 67- 0,70 м от его ножного торца. Интересно, что уступы повторены и на крышке гроба, но значительно ближе к ее ножной части; они не совпадают с подтесками на саркофаге и весьма незначительны (0,1 – 1,5 см), но прослеживаются четко.

Как и в большинстве саркофагов данного некрополя, в погребальном сооружении Софьи Палеолог было сделано специальное возвышение в его головной части. Высота каменной подушки-подголовья в форме ступеньки – 3,0 см. Снаружи гроб отделан тщательно, но внутри на поверхности стенок и дна видны следы работы теслом. Надпись на крышке саркофага сохранилась не полностью, так как, видимо, при перевозке гроба в Архангельский собор, плита

треснула и частично утрачена. Надпись состоит из одного имени погребенной и выполнена в технике граффити. Высота букв, в среднем 6,0 – 6,5 см. Нижние части букв «С» и «о» утрачены. Следует иметь в виду, что пространственные эпитафии на погребальных сооружениях и памятных плитах русского средневековья появляются только на рубеже XV – XVI столетия, а широкое распространение получают лишь в середине XVI века.

При повторном (после 1929 года) вскрытии захоронения Софьи Палеолог в 1984 году выяснилось, что остатки ее погребальных одежд к настоящему времени почти полностью исчезли. Были найдены лишь несколько мелких фрагментов савана из камки – итальянской шелковой ткани. На лобной части черепа княгини Софьи зафиксировали фрагмент волосника – сетчатой шапочки. По своей конструкции он отличается от других, достаточно традиционных головных уборов этого типа, найденных в нескольких захоронениях русских княгинь второй половины XV–XVII века в некрополе Вознесенского собора.

Погребальный инвентарь свидетельствует о светском характере погребения Софьи Палеолог, что подтверждается и данными русских летописей, не отметивших принятие монашеского пострига княгиней перед смертью: «Тоя же весны, априля 7, в пяток на 9 час дни, преставися ... великая княгини София ... Ивана Василевича, положиша ее во церкви Вознесения во граде Москве» (Патриаршая ..., 1965, с. 257).

Внимание исследователей привлекла хорошая сохранность скелета Софьи Палеолог. Спустя десять лет это обстоятельство позволило провести интереснейшие исследования, о результатах которых речь и пойдет ниже. Прошли те времена, когда изучение древних захоронений ограничивалось фиксацией погребального инвентаря и других деталей ритуала. Сегодня и костные останки дают массу информации о человеке, жившем несколько столетий назад. И в 1994 году в музеях Кремля были организованы исследования останков Софьи Палеолог и пластическая реконструкция ее внешнего облика. Эту работу выполнил С. А. Никитин (г. Москва), специалист в области судебной медицины и скульптурной реконструкции внешнего облика человека по костным останкам. Изучение скелета великой княгини Софьи позволило выяснить, что ее рост не превышал 160 см – это вполне соответствует свидетельствам современников о том, что она была невысокого роста. Не были обнаружены и какие-либо следы прижизненных повреждений (переломов) костей.

Но наибольший интерес представляло исследование черепа великой княгини из рода Палеологов. Судя по степени застарения его швов и степени изношенности зубов, биологический возраст Софьи определялся в пределах 55 – 60 лет. Это также не противоречит историческим данным, по которым Софья не перешагнула 60-летний рубеж. Анализ состояния костей скелета выявил проблемы со здоровьем великой княгини, обусловленные, видимо, гормональными нарушениями. Кроме того, с годами у Софьи Палеолог развился остеохондроз, следы которого четко видны на позвонках поясничного отдела ее позвоночника.

Пластическая реконструкция облика великой княгини Софьи проведена ведущим специалистом России в этой области С. А. Никитиным по методике, проверенной на результатах многолетней оперативно-розыскной практики. Мы опустим подробное описание процесса создания скульптурной реконструкции облика греческой принцессы из рода Палеологов ввиду специфичности научной терминологии, принятой в судебно-медицинской экспертизе. Нам важен результат этой работы – портрет великой княгини Софьи, жизнь которой протекала пять столетий назад. И взгляды сегодня в ее лицо, можно воочию убедиться, что только такая женщина и могла быть активной участницей крупных и сложных событий конца XV века, о которых нам поведали письменные памятники русского средневековья. Скульптурный портрет говорит об уме, решительном и сильном характере великой княгини Софьи (рис. 1, 2).

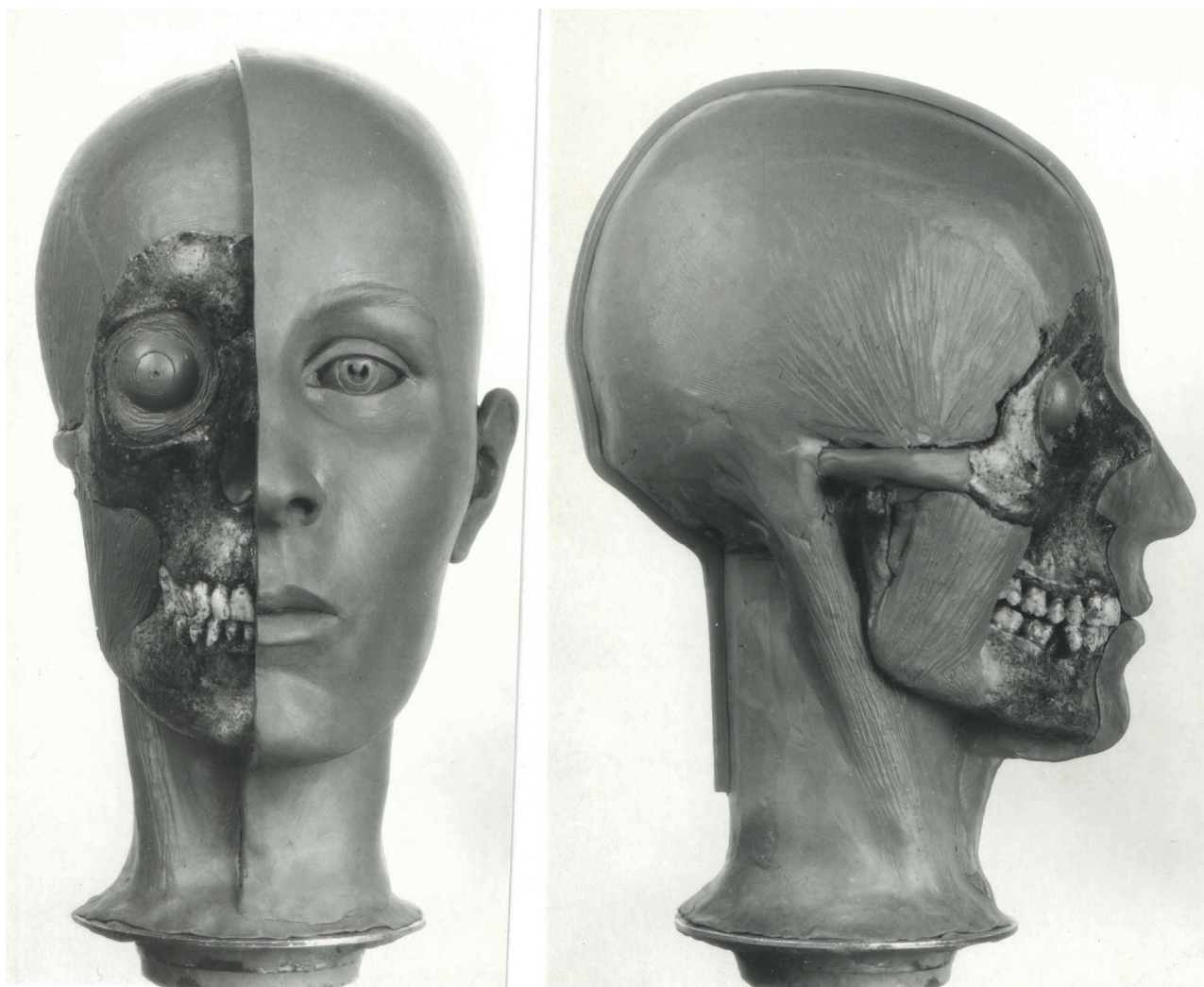

Рис. 1. Скульптурный портрет Софьи Палеолог (реконструкция). Фас.

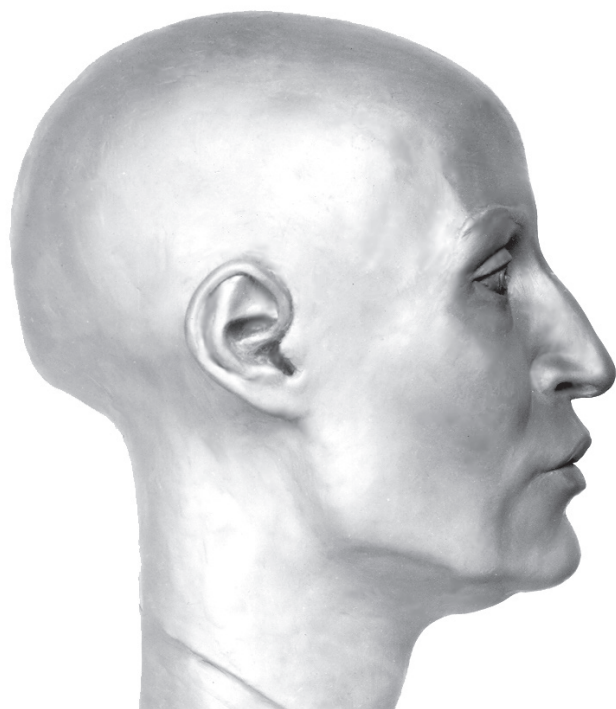

Рис. 2. Скульптурный портрет Софьи Палеолог (профиль).

Упоминания в летописях о портрете Зои Палеолог, привезенном Ивану III во время переговоров о его браке с родственницей византийских императоров, породили надежду на то, что в Риме, возможно, сохранились какие-то ее прижизненные изображения – юная греческая принцесса провела при папском дворе около десяти лет своей жизни. Однако на запрос по этому поводу, посланный в музей Ватикана, пришел отрицательный ответ.

В исторической литературе XIX – начала XX века есть описания храма Сан-Спирито, одного из средневековых памятников Рима, цикл фресок которого посвящен жизни папы Сикста IV. Интересно, что на одной из фресок коленопреклоненная Зоя Палеолог получает из рук римского папы кошелек с золотыми дукатами – средства на проезд в Москву. Рядом фантазия художника поместила и фигуру ее жениха, Ивана III – фреска снабжена латинскими надписями с указанием имен изображенных персонажей. Сюжет другой фрески представляет папу Сикста IV благословляющим сыновей Фомы Палеолога и эмирского деспота Леонардо Токка. На втором плане среди знати, возможно, изображены Зоя и ее старшая сестра Елена, сербская королева (Новицкий ..., 1909, с. 384). К сожалению, уже в конце XIX века отмечали крайне плохую сохранность этих фресок после реставрации. Вряд ли можно рассчитывать, что росписи храма Сан-Спирито содержали написанные с натуры портреты исторических персонажей того времени – исключение, возможно, составляют портреты Сикста IV. К тому же, некоторые исследователи датируют росписи этого храма XVI веком, что, в таком случае, исключает подлинность портретов Палеологов.

В России сохранилось произведение прикладного искусства, в котором, как считается, есть изображение второй жены Ивана III. Речь идет о шитой пелене 1498 года, известной как пелена княгини Елены Волошанки, жены князя Ивана Молодого. Создание этого памятника отражает один из этапов династической борьбы при дворе московского государя Ивана III и временную победу в ней партии Дмитрия Внука. На пелене изображен крестный ход в московском Кремле в вербное воскресенье 8 апреля 1498 года. Это по существу уже произведение светского характера, показывающее реальное событие с участием конкретных исторических персонажей.

В толпе народа, сопровождающего икону (видимо, Одигитрию Смоленскую) центральное место занимает великокняжеская семья. Впереди стоит старик с седой бородой и строгими глазами – это Иван III, которому уже почти 60 лет и грозные очи которого, по преданиям, пугали женщин до обморока (Герберштейн ..., с. 68). Своей позой «причастника» и нимбом, как у великого князя, особо выделена фигура Дмитрия Внука – безбородого подростка, объявленного в тот год наследником престола. За ним стоит молодой, но уже бородатый князь Василий, которому от роду 19 лет (Щепкина, 1954, с. 13 – 14). Над великокняжеской семьей возвышается огромный зонтик. Такой же зонт – солнечник изображен над стариком с нимбом (стоит справа) – это, без сомнения, русский митрополит Симон.

Наше внимание привлекает фигура в стороне, слева, у самого края пелены, изображенная в малиновом одеянии. На желтом покрывале женщины, справа, круглая золотая нашивка – так называемый таблион, знак царского достоинства. В тот период кроме Софьи Палеолог больше никто не мог носить подобный знак. Против такого толкования сюжета шитой пелены 1498 года высказывался А. Грабар. Он признавал, что автор шитого произведения изобразил икону Богородицы в окружении своих современников – московской толпы, но странно, что исследователь увидел на пелене только русских людей и не отметил фигуры иноземцев (Грабар, 1981, с. 291). Не возражал А. Грабар и против того, что на пелене есть фигуры членов семьи великого князя Ивана III, но предлагая свою интерпретацию изображения, ученый допускает ряд серьезных ошибок, которые не позволяют принять его толкование безоговорочно. В отличие от М. Щепкиной, А. Грабар увидел в фигурах слева, с нимбами, изображения князя и княгини, имена которых ему неизвестны – для памятника, имеющего точную датировку, это странно. Между тем оба персонажа изображены в княжеских мужских шапках, в которых рус-

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ. БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

ские княгини никогда не изображались. Более того, исследователь сам обращает внимание на то, что великая княгиня Софья Палеолог в тот момент была в опале. К тому же заметим, что на пелене, созданной по заказу Елены Волошанки, соперницы великой княгини Софьи, фигура последней вряд ли могла попасть в центр композиции.

Несомненно, что в части пелены, изображающей русский двор, главное место под зонтом-солнечником занимают великий князь Иван III, его внук Дмитрий (безбородый подросток и наследник престола в тот момент) и старший сын великой княгини Софьи Василий. Ошибочно называет А. Грабар Елену Стефановну первой женой Ивана III (она была женой Ивана Молодого, сына Ивана III от первого брака с тверской княжной Марией Борисовной). Отрицает А. Грабар и предположение исследователей о том, что в женской фигуре слева в углу композиции нужно видеть изображение великой княгини Софьи. Круглая форма таблички, как пишет А. Грабар, не совпадает с традиционными византийскими образцами; к тому же, табличка не является символом царственного происхождения.

И все же эта женская фигура несомненно выделена, как цветом одежды, так и наличием круглого значка - нашивки на плече, что дало повод М. Щепкиной увидеть в ней изображение Софьи Палеолог. Признавая право на существование такой версии, будем иметь в виду, что памятники лицевого шитья, к сожалению, не дают нам возможности для какого-то сравнительного анализа в силу схематичности в них портретных изображений. Шитая пелена 1498 года интересна нам как редкий исторический источник последних лет XV столетия, очень сложных в судьбе Софьи Палеолог и ее сына Василия. Как ни условны шитые изображения на пелене княгини Елены, они все-таки являются отражением конкретных исторических событий. Это единственный в своем роде документальный портрет Ивана III и его семьи.

Один из русских ученых прошлого, Д. А. Ровинский, предположил (Ровинский, 1887, стб. 1007-1008), что для Зои Палеолог тоже был изготовлен портрет Ивана III в годы его переговоров с Римом о брачном союзе с греческой принцессой (возможно, одним из членов папского посольства 1469 года на Русь). С такого портрета мог быть выполнен карандашный рисунок, подаренный средневековому ученому А. Теве и изданный им в конце XVI века в одной из его книг (*Le cosmographie ...*, 1575). Об этом изображении А. Теве писал так: «Этот принц Иоанн представлен без головного убора и в очень простой одежде, так что он совершенно не отличался от других принцев и сеньоров двора».

В публикациях по русской истории довольно часто воспроизводится и другой портрет великого князя Ивана III, взятый из «Космографии» А. Теве издания 1584 года – это гравированное полуфигурное изображение московского государя в остроконечной шапке и сложенными на груди руками (хорошо видна рукоять кинжала, завершающаяся звериной мордой). В исторических сочинениях можно встретить и портреты сына великой княгини Софьи Палеолог – Василия III. Есть сведения, что русский посол Дмитрий Герасимов в 1525 году привозил в Рим его живописный портрет, изданный впоследствии, в 1575 году, в одном из сочинений Павла Иовия (Паоло Джовио). Портрет сына Софьи публиковал в своих «Записках» дипломат, имперский посол в России, Сигизмунд Герберштейн. Он совершил поездки в Москву именно в годы правления Василия III, которого имел возможность наблюдать лично. Видимо, среди приезжавших работать в Москву иностранцев (немцев, итальянцев, греков) были и художники, создававшие живописные и гравированные произведения светского характера.

Великий князь Василий III изображен сидящим на троне, со сложенными на коленях руками. Длинный кафтан по вороту оторочен мехом, как и тулья высокой шапки. Лицо дано в профиль; его характерной особенностью является крупный нос с горбинкой, как и у матери, Софьи Палеолог. В силу разных причин до наших дней, как мы уже отмечали, портреты греческой принцессы и великой русской княгини Софьи не сохранились. И все же сегодня есть возможность лишний раз убедиться в достоверности созданного в конце XX столетия ее скульптурного портрета - реконструкции. В середине 60-х годов нашего века известный советский

антрополог М. М. Герасимов воссоздал по черепу облик внука Софьи Палеолог, русского царя Ивана IV (годы жизни 1530-1584). Исследуя останки этого государя, М. Герасимов отмечал в его облике значительные черты средиземноморского типа, унаследованные грозным царем от бабушки-гречанки. И действительно, внук многое взял от Палеологов по линии принцессы Софьи. Вглядываясь в лица великой княгини Софьи и Ивана IV, об этом можно говорить без колебаний. В природе не бывает ничего случайного – хорошо видно, что овал лица, форма лба и носа, глаза и подбородок у Ивана Грозного почти такие же, как и у его бабушки.

Учитывая возражения скептиков, а они, несомненно, найдутся среди читателей (кое-кто сочтет, что при создании портрета-реконструкции Софьи эксперт - криминалист был под большим влиянием образа царя Ивана Васильевича работы М. М. Герасимова), было проведено дополнительное изучение останков царственного внука и его порфириносной бабушки. Исследование черепа Софьи Палеолог и точной копии черепа Ивана IV (сам череп недоступен, так как возвращен в саркофаг в 60-е годы), сравнение их методом теневого фотоналожения (авторская разработка С. Н. Никитина), более чем убедительно доказывает: перед нами близкие родственники. Фотографии, на которых приведены совмещенные методом наложения черепа, со всей очевидностью свидетельствуют о том же. Хорошо видно (череп Софьи более светлый), что контуры черепов, орбиты, височные линии, скуловые кости и скуловые дуги очень близки по форме. Существенное различие есть только в форме подбородочных бугров; у Софьи Палеолог он более выступающий и менее (что естественно для женщины) массивный. И если много сходства в созданном природой, то не стоит сомневаться и в скульптурных портретах, воссозданных знаниями и талантом человека.

И совершенно неожиданный подарок сделали историкам в последние годы XX столетия российские реставраторы. Расчистка одной из икон XVI века (из собрания ГИМ) выявила редчайший для русского средневековья случай – изображение светского человека. Необычайной удачей было то, что им оказался великий князь Василий III, сын Софьи Палеолог и отец царя Ивана IV. Удивительное сходство отца и сына бросается в глаза сразу и не требует особых доказательств. Это открытие реставраторов и исследования антрополога стали важным источником для разрешения спорного вопроса о происхождении царя Ивана Грозного, поскольку отцовство Василия III ставилось некоторыми историками под сомнение. Так две скульптурные реконструкции, осуществленные во второй половине XX века, незримо связали события двух далеких столетий русской истории, позволив нам увидеть лица великой княгини Софьи Палеолог и царя Ивана IV (рис. 3-9).

Рис. 3. Герб Палеологов.

Рис. 4. Венчание Ивана III и Софьи в Кремле. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

Рис. 5. Смерть Софьи Палеолог. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

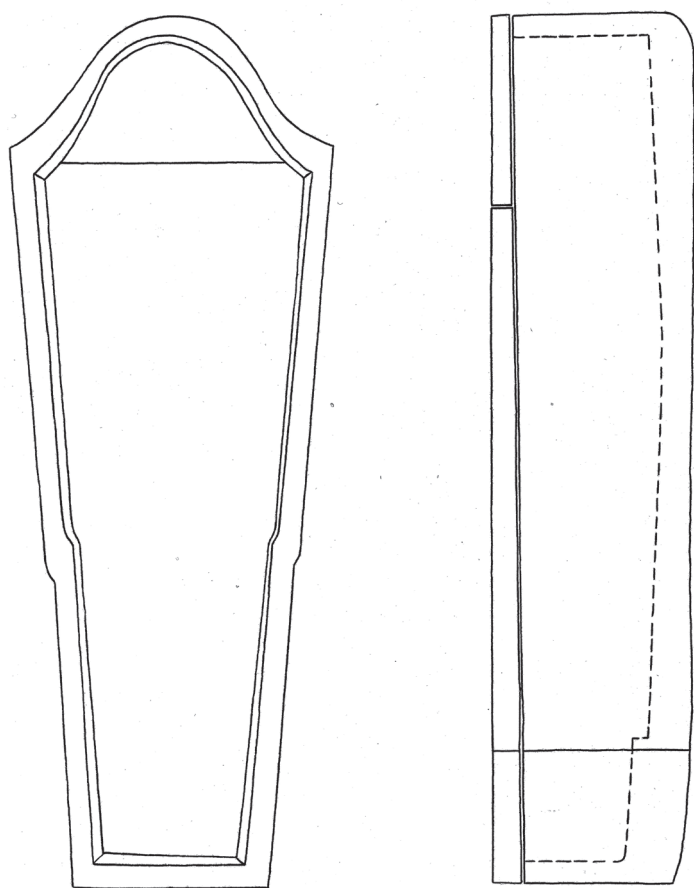

Рис.6. Саркофаг Софьи Палеолог (план, рисунок).

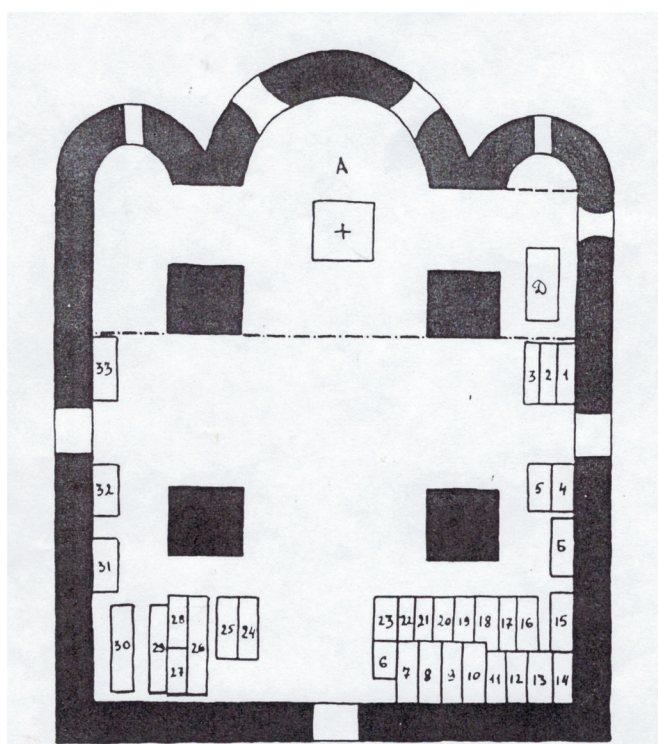

Рис. 7. План некрополя Вознесенского собора в Кремле.

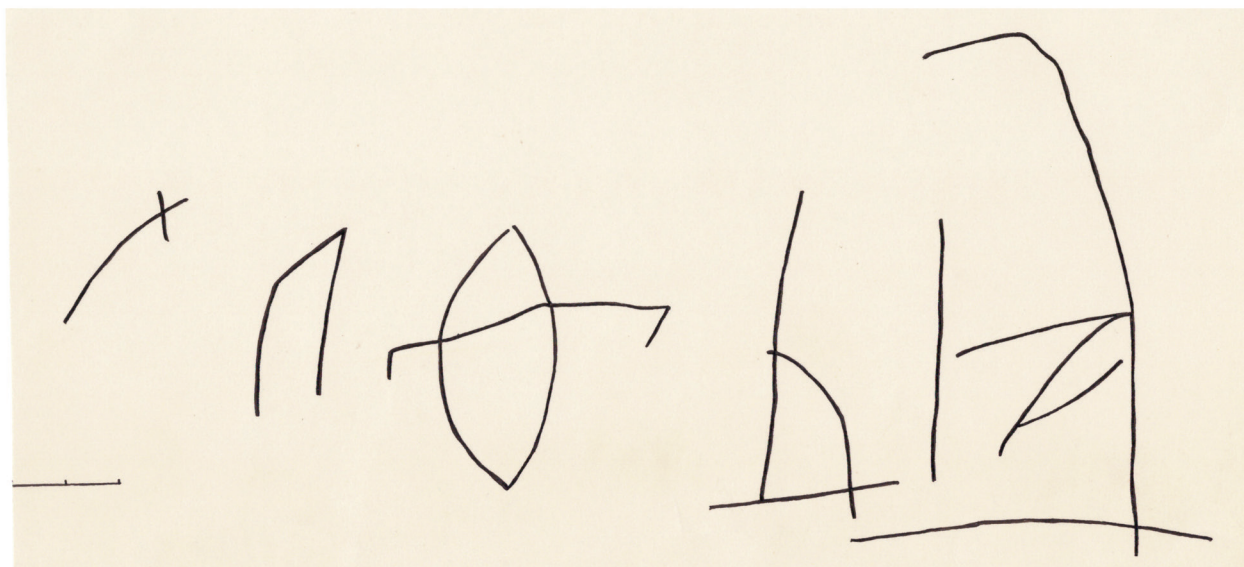

Рис. 8. Надпись на крышке саркофага Софьи Палеолог.

Рис.9. Вознесенский собор. 19 век

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь и судьба великой русской княгини Софьи, по происхождению греческой принцессы, представительницы византийской императорской династии Палеологов, представляет интерес во многих аспектах.

Ее детство и юность прошли в Греции и Италии, она видела блеск и величие Ватикана, политические расчеты и религиозные амбиции которого сделали ее женой великого московского князя Ивана III. Сменив теплое Средиземноморье на суровый климат Руси, Софья попала в новую для нее страну, условия жизни и традиции которой ей пришлось познавать в сложных перипетиях борьбы за судьбу своих детей.

Много легенд связано с именем Софьи Палеолог. Как это всегда бывает, одни из них умаляют ее поступки и достоинства, другие же преувеличивают ее роль в жизни России конца XV столетия, приписывая великой княгине то, что уже было предрешиено ходом самой истории. Навсегда расставшись с родными местами и приехав на Русь, Софья Палеолог сохраняла связь с прошлым, окружив себя выходцами из Греции и Италии, переселившимися в Москву в поисках лучшей доли или приключений.

Сегодня средневековые памятники центра столицы России – Кремля напоминают нам интересные и сложные страницы истории нашей страны, в которой византийская принцесса на русском престоле Софья Палеолог сыграла свою неповторимую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schuhmann G. Die «Kaiserin von Konstantinopel» in Nurnberg. Archive und Geschichtsforschung. Neustadt. 1966.
2. Патриаршая или Никоновская летопись //ПСРЛ. т. XI. М. 1965.
3. Лебедев И. П. Мистра. Л. 1973.
4. Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб. 2000.
5. Карамзин Н. История Государства Российского. Кн. II. т. VII. М. 1989.
6. Pierling P. La Russie et le Saint-Siege. I. Paris. 1896.
7. Пирлинг П. Россия и Восток. СПб. 1892.
8. Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. I. Paderborn. 1923.
9. Pierling P. La Russie et l'Orient. Paris. 1891.
10. Pastor L. Geschichte der Papste. Freiburg. 1928.
11. Вологодско-Пермская летопись //ПСРЛ. т. 26. М.-Л. 1962.
12. Софийская II летопись //ПСРЛ. т. VI. СПб. 1853.
13. Smolisch I. Russisches Monchtun, Eutstehung, Entwicklung und wessen. 988-1917. Wurzburg. 1953.
14. Die Chroniken der deutschen Stadte. Bd. 31. Leipzig. 1911.
15. Московский летописный свод //ПСРЛ. т. 25. М.-Л. 1949.
16. Псковская II летопись //ПСРЛ. т. V. СПб. 1848.
17. Псковская I летопись //ПСРЛ. т. IV. СПб. 1848.
18. Львовская летопись //ПСРЛ. т. XX. ч. 1. СПб. 1910.
19. Борисов Н. Иван III. М. 2000. (ЖЗЛ).
20. Иностранцы о древней Москве. М. 1991.
21. Летописный свод 1518 г. //ПСРЛ. т. 28. М.-Л. 1963.
22. Патриаршая или Никоновская летопись //ПСРЛ. т. 13/1. СПб. 1904.
23. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в Росси во второй половине XV – первой трети XVI вв. М. 1988.
24. Контарини А. Путешествие в Персию. Барбаро и Контарини о России. Л. 1971.
25. Библиотека иностранных писателей о России. т. I. Отд. I. СПб. 1836.
26. Летописный свод 1497 г. //ПСРЛ. т. 28. М.-Л. 1963.

27. Сокращенный летописный свод 1493 г. //ПСРЛ. т. 27. М.-Л. 1962.
28. Типографская летопись //ПСРЛ. т. XXIV. Пг. 1921.
29. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л. 1959.
30. Продолжение летописи по Воскресенскому списку //ПСРЛ. т. VIII. СПб. 1859.
31. Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М. 1971.
32. Летописцы последней четверти XVII в. //ПСРЛ. т. 31. М. 1968.
33. Пшеничников А. Соборный храм Вознесения в Вознесенском девичьем монастыре. М. 1886.
34. Дневник вскрытия захоронений бывш. Вознесенского монастыря в Московском Кремле. ОРГПФ ГИМЗМК. Ф.20, д. 14. 1929.
35. Патриаршая или Никоновская летопись //ПСРЛ. т. 12. М.-Л. 1965.
36. Новицкий А. Парсунное письмо в Московской Руси. «Старые годы», июль-сентябрь, 1909.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М. 1988.
37. Щепкина М. В. Изображения русских исторических лиц в шитье XV в. Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. III. М. 1954.
38. Грабар А. Заметка о методе оживления традиции иконописи в русской живописи XV - XVI вв. ТОДРЛ. XXXVI. Л. 1981.
39. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. т. II. Е - О. СПб 1887.
40. Le cosmographie universelle d Andre Thevet. Paris. 1575

GRAND RUSSIAN PRINCESS SOPHIA PALEOLOGUE. BIOGRAPHY AND FATE.

Panova T.D.

 ABSTRACT. The life and fate of the great Russian princess Sophia, a Greek princess by origin, a representative of the Byzantine imperial dynasty of the Palaeologus, is of interest in many aspects.

Key words: *Grand Russian Princess Sophia Paleologue, reconstruction, historical research.*

ОБ АВТОРЕ

Панова Татьяна Дмитриевна – археолог, д.и.н. Panova Tatyana Dmitrievna – archaeologist, Doctor of Historical Sciences.